

ПРОЧТЕНИЯ

Е.А. Масолова

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

В литературоведении политические в «Воскресении» трактуются как лучшие представители человечества, делающие все возможное для спасения человека¹. Подобная интерпретация политических противоречит толстовским замыслам, что мы постараемся доказать².

Посещая тюрьму, Нехлюдов невольно вовлекается в контакт с политическими. Сначала – с Верой Богодуховской, некрасивым, беспомощным, жалким запуганным существом, с худым желтым некрасивым лицом. У Богодуховской изначально не было ни уверенности в себе, ни плана действия, а была лишь трогательная решимость чем-нибудь помочь другим: «<...> хочу быть полезной людям и ничего не могу, потому что ничего не знаю»³, – призналась она Нехлюдову. Богодуховская ходит вертлявой походкой, говорит испуганно, «вертя желтой тонкой-тонкой жилистой шеей, выступающей из смятых и грязных воротничков кофточки» (с. 207). В «Воскресении» антиэстетический портрет персонажа является дополнительным способом дискредитации его жизненной позиции. Дав столь безобразный портрет Богодуховской, автор-повествователь станет называть ее не по звучной, многообещающей фамилии, а только как «Вера Ефремовна» или «она», что снижает этот образ. При этапировании заключенных Нехлюдов видит, что Вера Ефремовна еще больше пожелтела и подурнела. Она говорит решительно, а глядит испуганно, раздражает всех неестест-

венностью и взвинченностью. Вера Ефремовна случайно примкнула к политическим: она училась в консерватории и попала в тюрьму, когда после ареста «одной выдающейся личности» начались повальные чистки. Говоря о ней, смотритель тюрьмы жалеет, что пропадает музыкант. В разговоре с Нехлюдовым Вера Ефремовна проявляет себя как восторженный, неумный экзальтированный человек, у которого в голове полная путаница: «Отвечая ему, она (Вера Ефремовна. – *Е.М.*) с большим оживлением стала рассказывать о своем деле. Речь ее была пересыпана иностранными словами о пропагандировании, о дезорганизации, о группах, и секциях, и подсекциях, о которых она была, очевидно, вполне уверена, что все знали, а о которых Нехлюдов никогда не слыхивал. Она рассказывала ему, очевидно вполне уверенная, что ему очень интересно и приятно знать все тайны народо-вольства. Нехлюдов же смотрел на ее жалкую шею, на редкие спутанные волосы и удивлялся, зачем она все это сделала и рассказывала. Она жалка ему была, но совсем не так, как жалок был Меньшов-мужик, без всякой вины с его стороны сидевший в вонючем остроге. Она более всего была жалка той очевидной путаницей, которая была у нее в голове. Она, очевидно, считала себя героиней, готовой пожертвовать жизнью для успеха своего дела, а между тем едва ли она могла бы объяснить, в чем состояло это дело и в чем успех его» (с. 207–208). При описании внутренней несостоятельности Веры Ефремовны Л.Н. Толстой в семи подряд идущих предложениях ни разу не называет ее по имени, но использует десять раз местоимение «она» в именительном и косвенных падежах: таких, как Вера Ефремовна, большинство. Веру Ефремовну завораживало само звучание слов «пропагандирование», «дезорганизация», «секция», «подсекция»; политическая деятельность нравилась ей как нечто экстраординарное.

О том, что политические занимаются не своим делом, не имея ясного представления о нем, говорит и тетушка Нехлюдова: «<...> им, этим стриженным, поделом. <...>. Все равно, зачем мешаются не в свое дело. Не жен-

ское это дело» (с. 280). Неприятие политических проявляется и со стороны людей того класса, который политические решили защищать.

Вера Ефремовна бескорыстно хотела помочь и тем, кто не был с ней в одной политической организации. Тетка заключенной Шустовой так характеризует Веру Ефремовну: «Это великолепная личность. Все для других, ничего для себя» (с. 327). Альтруистическая забота Веры Ефремовны о заключенных контрастирует с безучастным отношением к ним со стороны товарищей по политической деятельности: никто не помог Вере Ефремовне заменить каторгу тюрьмой или поселением. Вера Ефремовна пытается уверить себя и окружающих, что у нее все прекрасно, но улыбается «жалостною улыбкой» (с. 209). Слова «жалкая» и «жалостная» – частотные при описании Веры Ефремовны; она вызывает жалость как внешне некрасивый и внутренне растерянный, беспомощный человек, который стал служить чуждым идеалам и не нашел удовлетворения в этой сфере деятельности. Ее жизнь наполнена иллюзиями, самообольщениями, осознанием обреченной необходимости исполнять взятый на себя изнурительный долг служения другим. У Веры Ефремовны, как и у Вареньки в «Анне Карениной», ложное самопожертвование, идущее не от сердца, что дискредитирует самопожертвование.

История ареста Марьи Павловны еще ярче выявляет нещепетильность остальных политических, их желание спасти себя любой ценой, в том числе и ценой предательства невинного человека. Марья Павловна взяла на себя выстрел в жандарма, хотя никогда не держала в руке револьвера, и была сослана на каторгу. Веру Ефремовну и Марью Павловну объединяют никем не оцененное самопожертвование и предательство со стороны бывших товарищей. В «Воскресении» доказывается нелепость и аморальность ситуации, когда вместе с активными участниками мятежей арестовывают людей, случайно примкнувших к политическим, когда винов-

ный в убийстве не сознается в содеянном, обрекая тем самым другого на каторгу.

Тетка Шустовой оспаривает бытовавшее у Нехлюдова представление о тяготах тюремного заключения политических: «Для настоящих революционеров<...> это отдых, успокоение. Нелегальный вечно живет в тревоге и материальных лишениях и страхе за себя, и за других, и за дело, и, наконец, его берут, и все кончено, вся ответственность снята: сиди и отдыхай. Прямо <...> испытывают радость, когда берут» (с. 329). Политические тяготятся миссией ниспровергателей строя и отдыхают в тюрьме от этой повинности. Набатов бывал рад арестам и воспринимал тюрьму как возможность отдохнуть, сбросить с себя груз тревог и ответственности: «Я так часто просто рад бывал, когда посадят <... > конец ответственности, отдохнуть можно. Сиди себе да покуривай» (с. 455).

Тюрьма для ряда политических стала не только отдохновением от не дающей удовлетворения деятельности, но и местом крушения иллюзий, утраты веры в людей и приобретения разрушающей душу озлобленности. Отсидев в тюрьме, тетка Шустовой перестала верить в Бога, в людей и озлобилась. Озлобленность на мир и людей, ощущение политическими своей загубленной жизни являются их очередной дискредитацией.

Нехлюдов увидел, что нет принципиальной разницы между различного рода арестантами – мелкими воришками, бродягами, поджигателями, банкирами-расхитителями, сектантами и пр. Такое уравнивание заключенных снижает восприятие политических как людей, пострадавших за идею смены власти. Нехлюдов поделил арестантов на пять разрядов. Четвертый, самый большой разряд составляли сектанты, поляки, черкесы, бунтовавшие за свою независимость, и политические преступники, осужденные за сопротивление властям. В классификации Нехлюдова нет противопоставления разных разрядов осужденных друг другу, а есть констатация, что люди четвертого разряда «стояли нравственно выше среднего уровня об-

щества» (с. 349); к тому же политических преступников Нехлюдов упоминает в конце перечисления арестантов четвертого разряда. Нехлюдову, как и Л.Н. Толстому, ближе сектанты, а потом уже поляки и черкесы: «А я знаю людей, которые стоят несравненно выше своих судей; все сектанты – люди нравственные, твердые» (с. 362), – сказал Нехлюдов Игнатию Никифоровичу. Политические выигрывали для Нехлюдова на фоне уголовных других разрядов, но не воплощали модель должного поведения.

До третьей части «Воскресения» о жизни политических на воле говорится мимоходом и явно с недоумением: их деятельность безрезультатная и безнравственная; на воле они ничего не добились и ради самосохранения предавали товарищей.

В третьей части романа Маслова этапирруется на каторгу. Была дискриминация при этапировании заключенных: уголовных выводили рано утром, политических вывозили позднее на подводах; политические ощущали некую элитарность и не делили тяготы этапирования с уголовными. Нехлюдов добился перевода Масловой в отделение политических: те «лучше помещались, лучше питались, подвергались меньшим грубостям» (с. 405). Изъятие Масловой из общей партии уголовных было необходимо для того, чтобы просветление Масловой стало необратимо. Ряд политических отличались от обычных людей более высокими требованиями нравственности, воздержанием, аскетизмом, правдивостью, бескорыстием, готовностью жертвовать своею жизнью для общего дела. По этим нравственным законам жили все любимые герои Л.Н. Толстого, не только политические. У Л.Н. Толстого не было иллюзий относительно политических. Со стороны же Масловой начинается своеобразная идеализация политических. Она, бывшая проститутка, видела от людей грубость и похоть. Общение же с политическими открыло ей гуманное, уважительное, немеркантильное отношение к людям. Маслову удивили идущие от ряда политических самоотверженность и созидательное добро. Она чувствовала осо-

бую почтительную и восторженную любовь к Марье Павловне – генеральской дочери, которая вела себя просто, раздавала свои вещи, бедно одевалась, не была кокетливой и тоже испытывала отвращение к половой любви как к отвратительной и оскорбительной для человеческого достоинства. То, что Марья Павловна давала отпор пристававшим к ней мужчинам, вселяло в Маслову надежду, что и она сможет пресечь похоть мужчин. Влияние Марьи Павловны на Маслову шло по сугубо нравственной линии. При общении с Марьей Павловной Маслова впервые столкнулась с уважением ко всем униженным и оскорбленным, что стало для нее свидетельством собственной значимости, гарантом просветления растоптанной души.

Еще больший шанс на нравственное возрождение Масловой дал Симонсон, который полюбил Катюшу без ощущения своей жертвенности и без присущего Нехлюдову самолюбования этой жертвенностью. Симонсон хотел жениться на Масловой, чтобы, по его словам, «эта пострадавшая душа отдохнула» (с. 451). При всей разнице исходной ситуации Симонсон – Маслова, Сонечка – Раскольников, между ними есть общее: стремление не только выжить в жестоком социуме, но и спасти душу другого. Предложение Симонсона Масловой выйти за него замуж разрушало исключительность поступка Нехлюдова, уменьшало цену жертве, которую приносил Нехлюдов. Для Нехлюдова, так много нагрешившего в прошлой жизни и активно ищущего пути воскресения собственной души, женитьба на Масловой не была бы спасительной: ему необходимо было выйти на иные рубежи осмысления себя и бытия в целом. Симонсон – своеобразное продолжение того Нехлюдова, каким тот был в ранней юности – честным, стремящимся жить по законам добра и справедливости. Симонсон отказался от развратной жизни, вернулся к своему лучшему «я», стал неким апостолом справедливости. Религиозное, во многом пантеистическое учение Симонсона, ставило целью не политическое, а нравственное преобразование социума с помощью гуманности и взаимоуважения; Симонсон был

против войны, убийства людей и животных. Он считал, что человек должен служить «уже существующему живому» (с. 412–413). Становление Симонсона прошло три этапа: природный невинный человек – светский развращенный человек – природный духовный человек. Нехлюдов также вернется к духовной ипостаси, но его внутреннее преобразование будет несопоставимо глубже.

Сближение Нехлюдова с политическими отчасти изменило его отношение к ним. Нехлюдов возмутился отсутствием даже подобия законности со стороны властей по отношению к политическим и убедился, что посланные политические – маленькие люди, не вредные для правительства. Жестокость и амбиции политических, их восприятие творимого зла в ореоле добра Нехлюдов объясняет как ответную реакцию на аналогичное поведение властей. Среди политических, убедился Нехлюдов, были и те, кто искренне считали себя обязанными бороться со злом, и те, кто руководствовались эгоизмом и тщеславием, и те, кто ради опасности и риска примкнул к революционерам. Были и те, чья вовлеченность в политику была или данью моде, или следованием чуждым идеалам. Грабец была вовлечена в политику под влиянием времени, она мало думала, была совершенно равнодушна к революции и стремилась добиться только успеха у мужчин. Ранцева стала революционеркой, потому что полюбила своего мужа-революционера и стала смотреть на жизнь его глазами.

Среди политических Нехлюдов увидел и тех, кто был ниже среднего уровня. К ним у Нехлюдова было стойкое предубеждение. Нехлюдову претит жестокость совершаемых ими убийств и самомнение: «С самого начала революционного движения в России, и в особенности после Первого марта, Нехлюдов питал к революционерам недоброжелательное и презрительное чувство. Отталкивала его от них прежде всего жестокость и скрытность приемов, употребляемых ими в борьбе против правительства,

главное, жестокость убийств, которые были совершены ими, и потом противна ему была общая им всем черта большого самомнения» (с. 416).

Общение Нехлюдова с безнравственными политическими предваряют резко отрицательные слова одного арестанта: «Им хорошо, дармоедам, <...> что им, чертям, делается; небось брюхо не заболит, – сказал чей-то хриплый голос, прибавив еще неприличное ругательство. Послышался недружелюбный, насмешливый хохот» (с. 431). Эта характеристика политических – своего рода прелюдия к изображению Карманова и Новодворова.

Карманов воплощает верх предательства, желание многих политических уцелеть за счет других: он обманул осужденного, поменялся с ним местами, отправил ссыльного на каторгу, а сам вместо него шел в ссылку.

«Знаменитый революционер Новодворов» (с. 435) был неприятен Нехлюдову своим высокомерным и циничным отношением ко всем. Он отрицал доброту и бескорыстие в других, всех ненавидел и хотел унижить.

Новодворову противостоит крестьянин Набатов – подвижник, просветитель крестьян, деятельный, веселый, бодрый, энергичный, ловкий, практичный общинный человек, не революционер-террорист. Тюрьмы и ссылки не озлобили его. На воле он делал все для просвещения и сплочения рабочего, преимущественно крестьянского народа; в неволе энергично и практично создавал наилучшие условия для своего кружка. Нравственные качества Набатова – трудолюбие, сметливость, ловкость в работе, воздержанность, внимательность к чувствам и к мнениям. Именно это Л.Н. Толстой ценил в патриархальном крестьянстве. Набатов ратовал за плавное перераспределение сложившихся форм жизни: «Когда он (Набатов. – *Е.М.*) думал и говорил о том, что даст революция народу, он всегда представлял себе тот самый народ, из которого он вышел, в тех же почти условиях, но только с землей и без господ и чиновников. Революция, в его представлении, не должна была изменить основные формы жизни народа <...>, не должна была ломать всего здания, а должна была только иначе

распределить внутренние помещения этого прекрасного, прочного, огромного, горячо любимого им старого здания» (с. 438). В религиозном отношении Набатов был «типичным крестьянином» (с. 438), с позиции земледельца трактовал круговорот природы. Набатов – рациональный консерватор (как и Симонсон), цель которого – улучшить жизнь народа без социальных катаклизмов.

Полная противоположность Набатову – фабричный Маркел Кондратьев, озлобившийся человек с ущемленным самолюбием. Он обижен на весь мир, ненавидит всех и мстит всеми, кто не дал ему места под солнцем. Комплекс неполноценности у Маркела с детства, когда его пригласили на елку к детям фабриканта и подарили дешевые игрушки. Маркел стал учиться, поверив словам революционерки о том, что только с помощью знания можно устранить несправедливость. В голове Маркела была полная путаница, но он верил, что книжное знание поможет выместить миру свою обиду. Его тяга к знаниям – свидетельство амбициозности, стремления стать лучше других.

Кондратьев нес в жизнь разрушительное начало. Во время стачки, руководителем которой он был, разгромили фабрику и убили директора. Маркел ни разу не пожалел об убитом, отказался от угрызений совести и пришел к нарушению заповеди: «Не убий». Свое неприятие социума Кондратьев перенес на религию: «К религии он (Кондратьев. – *Е.М.*) относился так же отрицательно, как и к существующему экономическому устройству. Поняв нелепость веры, в которой он вырос, и с усилием и сначала страхом, а потом с восторгом освободившись от нее, он как бы в возмездие за тот обман, в котором держали его и его предков, не уставал ядовито и озлобленно смеяться над попами и над религиозными догматами» (с. 440). Осмеяв религию, Кондратьев нарушил безусловное нравственное требование, позволяющее человеку оставаться человеком и не терять самоуважения и собственного «я», презрел заповедь «Не сотвори себе кумира», стал бого-

творить Новодворова и, по сути, превратился в его тень. Кондратьев – аморальный амбициозный циник, который возомнил себя выше всех религий и озлобился на мир. Кондратьев не мог нести добро людям, потому что добра не было в его душе. Такое отношение к миру заблокировало нравственное развитие Кондратьева и аннулировало его борьбу со злом.

Л.Н. Толстой подробно рисует Новодворова, самого циничного и жестокого заключенного, чтобы ни у кого не осталось иллюзий относительно политических. Новодворов лишен имени, что является ярким показателем неприятия данного персонажа. Считая нормальным явлением растущую классовую ненависть в обществе, Новодворов презирает и ненавидит народ, акцентирует свою элитарность, говорит трещащим голосом, что надо нести добро тем, кто этого не заслуживает. Народ для Новодворова – звери, с которыми нельзя общаться и от которых не надо ничего ждать. Новодворов мнит себя мессией: «Я <...> знаю тот путь, по которому должен идти народ, и могу указать этот путь» (с. 445), – утверждает он. Набатов же полагает, что политические должны добиваться того, чтобы не обижали народ. При всей размытости и нечеткости такой формулировки задач политических идеи Набатова понятны Масловой, Крыльцову, Нехлюдову и не влекут за собой братоубийственной резни, заложенной в концепции Новодворова. Крыльцов и Нехлюдов отказываются разговаривать с Новодворовым.

В следующей главе автор-повествователь передоверяет Нехлюдову свою саркастическую оценку Новодворова, в которой тот предстает как амбициозный человек, отказавшийся от былых, некогда яростно проповедуемых взглядов, дабы остаться лидером: «Несмотря на то, что Новодворов был очень уважаем всеми революционерами, несмотря на то, что он был очень учен и считался очень умным, Нехлюдов причислял его к тем революционерам, которые, будучи по нравственным своим качествам ниже среднего уровня, были гораздо ниже его. Умственные силы этого человека

– его числитель – были большие; но мнение его о себе – его знаменатель – было несоизмеримо огромное и давно уже переросло его умственные силы. <...> Новодворов же принадлежал к разряду людей преимущественно женского склада, у которых деятельность мысли направлена отчасти на достижение целей, поставленных чувством, отчасти же на оправдание поступков, вызванных чувством. Вся революционная деятельность Новодворова, несмотря на то, что он умел красноречиво объяснять ее очень убедительными доводами, представлялась Нехлюдову основанной только на тщеславии, желании первенствовать перед людьми. <...> он совершенно переменял свои взгляды и из постепеновца-либерала сделался красным, народовольцем. Благодаря отсутствию в его характере свойств нравственных и эстетических, которые вызывают сомнения и колебания, он очень скоро занял в революционном мире удовлетворявшее его самолюбие положение руководителя партии. Раз избрав направление, он никогда уже не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался. Все ему казалось необыкновенно просто, ясно, несомненно. И при узости и односторонности его взгляда все, действительно, было очень просто и ясно, и нужно было только, как он говорил, быть логичным. Самоуверенность его была так велика, что она могла только отталкивать от себя людей или подчинять себе. А так как деятельность его происходила среди очень молодых людей, принимавших его безграничную самоуверенность за глубокомыслие и мудрость, то большинство подчинялось ему, и он имел большой успех в революционных кругах. Деятельность его состояла в подготовке к восстанию, в котором он должен был захватить власть и созвать собор. На соборе же должна была быть предложена составленная им программа. И он был вполне уверен, что программа эта исчерпывала все вопросы, и нельзя было не исполнить ее» (с. 446–447). В нравственном плане Новодворов – пародия на человека, его отношение к людям сопоставляется с агрессивным отношением старых самцов-обезьян к молодым

особям: «Он же (Новодворов. – *Е.М.*) никого не любил и ко всем выдающимся людям относился как к соперникам и охотно поступил бы с ними, как старые самцы-обезьяны поступают с молодыми, если бы мог. Он вырвал бы весь ум, все способности у других людей, только бы они не мешали проявлению его способностей. Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним. <...> Хотя он принципиально и был за женский вопрос, но в глубине души считал всех женщин глупыми и ничтожными, за исключением тех, в которых часто бывал сентиментально влюблен, <...> и тогда считал их необычайными женщинами, достоинства которых умел заметить только он» (с. 447).

По отношению к женщинам Новодворов выступает как безнравственный человек, ратующий за признание свободной любви и многоженство: «У него была одна жена фиктивная, другая настоящая, с которой он разошелся, убедившись, что между ними нет истинной любви, и теперь намеревался вступить в новый свободный союз с Грабец» (с. 447–448). Признавая только за собой истину в последней инстанции, Новодворов ненавидел всех, кто думал иначе. Характеристика Новодворова, данная Нехлюдовым и полностью разделяемая автором-повествователем (на что указывает отсутствие каких-либо авторских комментариев к словам Нехлюдова), есть приговор Новодворову, его дискредитация в политическом, религиозном, человеческом планах. Потом Новодворов лишь дважды появится на страницах романа: деликатнейшая Марья Павловна осудит его, сказав, что в основе любви лежит «непременно все-таки гадость... Как у Новодворова с Любочкой» (с. 453); при обсуждении политическими причинами самоубийства Неверова Новодворов будет ругать самоубийцу и хвалить себя. Таким Новодворов и уйдет из повествования – самовлюбленным развратником.

Семантика фамилии «Новодворов» предполагает «новый двор», т.е. есть новые идеи, новое отношение к жизни. Но эта новая идеология агрес-

сивна, аморальна и провоцирует новый, никому не нужный террор, грозящий превратить всю страну в поле сражение во имя нового идола. Л.Н. Толстой категорически не принимает идей Новодворова. Критика бессмысленной деятельности политических в «Воскресении» смыкается с отрицанием умонастроения персонажей в «Бесах» Ф.М. Достоевского.

В «Воскресении» еще у двух политических «говорящие» фамилии – Богодуховская и Набатов. Внутренняя форма имени «Вера Ефремовна Богодуховская» не соответствует ее характеру: имя «Вера» предполагает веру в себя и других, в свое дело; имя «Ефрем», от которого образовано отчество Веры, означает «плодовитый, жизнеспособный»; фамилия «Богодуховская» ко многому обязывает. Но такая мощная антропонимическая формула не помогает персонажу. Семантика имени «Вера Ефремовна Богодуховская» оказывается тройной травестией: запуганная Вера Ефремовна не способна ничего дать людям и не может объяснить себе смысл жизни.

Поведение Набатова соответствует семантике его фамилии. Набатов – равнодушный к чужому страданию человек, пытающийся решать практические вопросы улучшения жизни остальных. Но Набатов хотел только материально улучшить жизнь народа, а потому Нехлюдов не принял его программы мироустройства.

До обретения истинной веры и смысла жизни Нехлюдову надо было пройти через этап окончательной самодискредитации политических. Это происходит при общении с Крыльцовым – самым симпатичным Нехлюдову политическим. Крыльцов был втянут в противостояние власти, «чтобы не подумали, что он боится» (с. 419). В тюрьме он увидел казни сокамерников, возмутился безнравственностью и подлостью властей и в ответ на террор власть имущих стал главой дезорганизационной террористической группы. Будучи смертельно больным, Крыльцов не раскаялся в разрушении существовавшего порядка вещей. Он страдал от осознания невосребованной жертвенности политических и не мог смириться с тем, что между

политическими и народом стоят взаимонепонимание и ненависть: «Меня часто занимает мысль, что вот мы идем вместе, рядом с ними, – с кем с “ними”? С теми самыми людьми, за которых мы идем. А между тем мы не только не знаем, но и не хотим знать их. А они, хуже того, ненавидят нас и считают своими врагами. Вот это ужасно» (с. 444), – говорит Крыльцов. Осознав недостаточность борьбы политических с правительством, умиравший Крыльцов говорит в перерыве между приступами рвоты: «Не то мы делали, нет, не то. Не рассуждать, а всем сплотиться... и уничтожать их. Да» (с. 456). На слова Нехлюдова о том, что Крыльцов призывал к убийству, тот возразил: «Нет, это не люди <...>. Да. Подняться на баллоне и посыпать их, как клопов, бомбами, пока выведутся... Да. Потому что...» – начал было он, но, весь красный, вдруг еще сильнее закашлялся, и кровь хлынула у него изо рта» (с. 456). Крыльцов не успел аргументировать необходимость убийства людей: ничем нельзя оправдать множимое зло и убийство. Борьба политических, начатая во имя людей, выливается в ненависть и желание залить страну кровью. Крыльцов возжелал физически уничтожить своих врагов, и в прямом смысле этого слова захлебнулся собственной кровью, умер в озлоблении на весь мир. Смерть Крыльцова – метафора нежизненности, обреченности политических. Глядя на труп Крыльцова, Нехлюдов думал: «Зачем он страдал? Зачем он жил?» <...> и ему казалось, что ответа этого нет, что ничего нет, кроме смерти, и ему сделалось дурно» (с. 490).

Нехлюдов осознал тупик, в котором оказались политические и отчасти он сам, как участник ряда их ожесточенных споров. Проведя бессонную ночь в размышлениях о бесконечных мучениях и страданиях людей, на следующее утро Нехлюдов увидел на пароме безымянного старика, к встрече с которым уже был внутренне готов. Слова этого старика открыли Нехлюдову Евангелие.

Итак, при этапировании одни политические пытаются воздействовать на мир с помощью добра и милосердия, встают на путь просветления, но через воскресение, т.е. следование заповедям Христа, не проходят: их былая ориентация сугубо на волюнтаристское изменения социума «блокирует» духовный рост. Само просветление политических амбивалентно: они не могут изменить жизнь, множат предательство и безнравственность; многие политические теряют веру в людей, приходят к озлоблению и ненависти, что аннулирует их изначально благие планы осчастливить человечество; альтруизм и самоотверженность политических оказываются не оцененными. Нехлюдов вначале признает за некоторыми политическими более высокий уровень нравственного сознания, но потом убеждается в ошибочности своего понимания. В «Воскресении» подвергаются критике жизненная позиция всех политических, их установка насильственно изменять мир, их иллюзии относительно результативности своей деятельности. Дискредитировавшие себя политические сыграли важную роль в жизни Нехлюдова: он категорически не принял их мироотношение, «забыл» о них и открыл для себя истинный путь нравственного самосовершенствования – Евангелие с его непреходящими истинами.

¹ А.М. Горький одним из первых заявил, что Л.Н. Толстой признал и почти оправдал в «Воскресении» активную борьбу и с любовью обрисовал революционеров (См. *Горький А.М.* История русской литературы. М., 1939. С. 4). Н.Н. Арденс писал, что Л.Н. Толстой «высоко ставил моральные качества революционеров» (*Арденс Н.Н.* Творческий путь Л.Н. Толстого. М., 1962. С. 492). В «Воскресении», согласно Т.Н. Архангельской, революционеры выступают «лучшими представителями людей России и сравниваются с декабристами и Герценом» (*Архангельская Т.Н.* Л.Н. Толстой и Г.А. Лопатин // Яснополянский сб. 1974: Статьи и материалы. Публикации. Тула, 1974. С. 122). Ф.И. Кулешов утверждал, что Л.Н. Толстой рассказывает о революционерах «как о самых лучших людях» (*Кулешов Ф.И.* Л.Н. Толстой. Из лекций по русской литературе XIX века. Минск, 1978. С. 257), считая их «мужественными борцами с деспотизмом, за благо своего народа, всех людей» (Там же. С. 260). По Ф.И. Кулешову, «Толстого искренне восхищает в русских революционерах их высокое бескорыстие, моральная красота, сила духа, готовность жертвовать собой для других, преданность идеалам свободы» (Там же). Аналогичные идеи развивал М.Б. Храпченко, говоря, что Л.Н. Толстой «в облике революционеров, в их делах увидел ту живую энергию, тот высокий пример подлинно-

го благородства, который заключает в себе огромную нравственную силу, способную духовно поднять человека, перевоспитать его» (*Храпченко М.Б.* Лев Толстой как художник. М., 1978. С. 309). Л.Н. Толстому, считал М.Б. Храпченко, «дороги в революционерах способность отказаться от эгоистического отношения к жизни, самоотверженность» (Там же. С. 312). К.Н. Ломунов полагал, что «прозревший Нехлюдов полностью оправдывает самые “жестокие” способы борьбы против правительства, применявшиеся революционерами в качестве отдельных мер на правительственный террор» (*Ломунов К.Н.* Лев Толстой. Очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 232–233), а потому революционеры воспринимались Нехлюдовым как носители высоких нравственных принципов (Там же. С. 233–234). В интерпретации Л.Н. Кузиной революционеры в «Воскресении» нравственно оправданы и выступают людьми «обостренной нравственной чуткости и чистоты» (*Кузина Л.Н., Тюнькин К.И.* «Воскресение» Л.Н. Толстого. М., 1978. С. 64), а «Крыльцов становится деятелем революции как человек огромной совести» (Там же. С. 68). Е.П. Андреева отмечала, что революционеры в «Воскресении» «покоряют своим бескорытием, душевным благородством и горячим сочувствием к народу» (*Андреева Е.П.* Толстой художник в последний период деятельности. Воронеж, 1980. С. 152) и т.д. Иной трактовки и не могло быть в советском литературоведении. Исследователи подчеркивали самоотверженность Марьи Павловны, созидательное добро Симонсона и безнравственность Новодворова. Но альтруизм Марьи Павловны оказался невостребованным; в своих духовных исканиях Нехлюдов пошел намного дальше Симонсона с его установками сиюминутного изменения жизни; к тому же абсолютно все политические в «Воскресении» себя дискредитировали.

² Работы современных исследователей на эту отсутствуют.

³ *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 13. М., 1964. С. 191. Далее текст романа приводится по этому изданию с указанием страниц в скобках после цитат.